

Правовые вопросы сохранения культурного наследия на Кавказе

Мажид М. Магдилов

Известно, что на Кавказе проблемы диалога культур, сохранения культурного наследия имеют бесчисленные этнокультурные и этнолингвистические проявления, грани, преломления. Тенденции ослабления кавказской солидарности и идентичности побуждают исследователей еще раз осмыслить приоритеты культурной политики на Кавказе, выработать приемлемые для всех регионов Кавказа правовые и иные механизмы ее реализации. Разумеется, с использованием соответствующих мировых гуманитарных теорий и гуманных практик управления национально-культурными процессами. Речь идет именно об использовании, а не о механическом копировании или бездумном приведении существующих и перспективных кавказских политических и правовых проектов национально-культурного строительства в соответствие с международными правовыми актами и международными хартиями о сохранении культурного наследия и языкового многообразия мира. Последние не могут (и не должны) отражать все особенности Кавказа. Поэтому, актуальной остается задача адаптации к кавказским реалиям теорий, идей и концепций сохранения культурного наследия, поддержки диалога культур, межнационального общения, наполнения политической и правовой терминологии, относящейся к данным сферам, новыми, основанными на собственном историческом опыте смыслами и содержаниями. В этой связи, научное осмысление этнокультурных процессов на Кавказе позволяет определить приоритеты и правовые механизмы, основанные как на кавказском историческом опыте, так и на соответствующих мировых гуманитарных теориях и юридических практиках.

В советское время было принято признавать наличие в каждой культуре двух культур, одна из которой, наряду с религией, является враждебной и вредной. В одной из статей 1933 года, читаем: “Дагестан – чрезвычайно отсталая некультурная страна в прошлом, естественно, был не только беден с.-х. кадрами, но

абсолютно не имел их, если не считать 810 агрономов-инструкторов” (Тагиев, 1933: 51). (А если считать, то 810 (!) агрономов). Еще пример:

До Октябрьской революции чеченцы были самыми отсталыми из всех народов, населяющих не только Кавказ, но, пожалуй, и всю бывшую Российскую империю. До 1917 года чеченский народ лишен был возможности иметь свою письменность, литературу и школу. Сейчас нам, поэтому, не приходится сравнивать успехи на фронте культурного строительства в Чечне с тем, что мы имели до революции, ибо до революции не было ничего! Октябрьская революция в Чечне достала 60-тысячную армию мюридов, 2675 мечетей, 180 арабских мусульманских школ с большим количеством учащихся в них. (Орцуев, 1933: 27).

(Все же 180 школ с большим количеством учащихся, плюс немала часть тех, которые, по сложившейся традиции, продолжали духовное образование в Дагестане).

Совершенно противоположной была «подача» достижений за годы советской власти. Тем не менее, Кавказ, как и другие регионы СССР, прошел все этапы советской модернизации, трансформацию политической, правовой, социально-экономической систем, коллективизацию, индустриализацию, “культурную революцию”, пережил все испытания, через которые прошли народы СССР.

Советский период в этноязыковой жизни народов Северного Кавказа можно в целом характеризовать и как период национально-языкового строительства и культурной революции, расширения (“коренизации”) сфер применения и интенсификации функциональных ролей национальных языков. Процесс этот сопровождался повышением уровня знания русского языка, благодаря интенсификации межэтнического общения, обусловленной расширением сети учебных заведений, ростом городского населения, развитием промышленности, усилением миграционной активности населения.

В 1920–1950 гг. на Кавказе были созданы условия для расширения социально-культурных функций национальных языков, поднятия престижа этих языков, повышения уровня национально-художественного сознания их носителей. Для ряда народов была создана новая письменность, а старописьменные языки были переведены на латинскую (1928г.), затем (1937 г.) на русскую графическую основу. Создавались новые учебники, открывались ликбезы, общеобразова-

тельные школы, средние и высшие специальные учебные заведения, национальные средства массовой информации и писательские союзы, художественные коллективы, театры и т.д.

С 1960-х гг. в национальной политике КПСС и советского правительства наметился явный курс на сужение, а в отдельных сферах (делопроизводство, обучение на родных языках и др.) и на свертывание социальных функций национальных языков. В результате роль национальных языков как основного средства трансляции и трансмиссии в поколениях этнокультур, потребления национально-языковых форм художественной культуры, постепенно редуцировалась. Все это сопровождалось насаждением идей и лозунгов о скорейшем наступлении коммунизма, о слиянии наций и языков, пропагандой “стерильного” от национально-религиозного содержания “морального кодекса строителя коммунизма” и т.п. Словом, формировали нового, советского человека, для которого взамен чувств этнической солидарности, приверженности языку, обычаям и религии своих предков предлагались идеи классовой солидарности и “пролетарского интернационализма”, новые обряды и обычаи, язык Ленина, вера в КПСС и т. п. (Магомедханов, 2008).

В Конституциях кавказских республик, в ряде других правовых актов определяются принципы государственного регулирования деятельности образовательных и культурных учреждений.

Рассмотрение советской и постсоветской истории законодательства, относящейся к государственной национально-языковой политике на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане, показывает, что с 1970-х годов стратегическую линию в национально-языковом вопросе определяли не столько установки на социальную, экономическую, правовую защиту языков, сколько идеологическое и политическое “вспоможение” выхода из, как тогда говорили, “национальной скорлупы”. Иначе говоря, процесс государственной поддержки языковой ассимиляции – ведущей в последние полвека тенденции в этнических процессах у народов Северного Кавказа и Дагестана – зашел так далеко, что законодатель, каких бы политических или юридических ориентаций он не придерживался, вынужден реагировать на естественные права и запросы ассимилированной в языковом отношении части нерусского населения, а также в массе своей русскоязычных

детей из национально-смешанных семей, перспективы которых при добровольности выбора языка преподавания в школе в качестве предмета складывается не в пользу родного языка одного из родителей.

В законах и постановлениях, касающихся языковой политики предусмотрены права и приоритеты развития государственных языков. В некоторых конституциях северокавказских республик РФ государственными являются два или более языков (Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская республики и т.д.). Согласно ст.11 Конституции Республики Дагестан, государственными языками являются русский язык и языки всех народов, населяющих Республику. Однако, в программах стратегии национальной и языковой политики и законодательных актах не указаны механизмы реализации языковых прав.

Вместо уже процитированного положения Конституции СССР 1936 года, (по которому “право граждан СССР на образование обеспечивается.... обучением в школах на родном языке” в Конституции СССР 1977 года говорится следующее:

Статья 25. В СССР существует и совершенствуется единая система народного образования, которая обеспечивает общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, служит коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодежи, готовит ее к труду и общественной деятельности.

Статья 36. Граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права. (Конституция, 1977)

Осуществление этих прав обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым и национальным признакам, равно как и всякая проповедь расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения – наказываются по закону.

Статья 45. Граждане СССР имеют право на образование. (Конституция, 1977)

Это право обеспечивается бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи, широким раз-

витием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством; развитием заочного и вечернего образования; предоставлением государственных стипендий и льгот учащимся и студентам, бесплатной выдачей школьных учебников; возможностью обучения в школе на родном языке; созданием условий для самообразования.

Статья 52. Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа – от церкви. (Конституция, 1977)

Как видим, права, относящиеся к обучению в школе на родном языке и к свободе совести, – в сущности одни и те же. Как говорил Расул Гамзатов: “сейчас у нас культура отделена от государства, а религия присоединена к государству. Что ты хочешь от культуры в стране, где её делают люди, которые при слове “культура” хватаются за пистолет?” (Тюленев, 2000).

В Федеральном Законе о государственном языке РФ (от 2005 г. в ред. 2013, 2014 гг.) в 3-х из 7-ми статей говорится о русском языке как о языке, защита и поддержка которого как государственного языка способствуют взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве, приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации. Оговорено, что “обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации” (Федеральный Закон, 2005).

В Законе РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 31.07.2020) “О языках народов Российской Федерации” ст.2 посвящается государственным гарантиям равноправия языков народов Российской Федерации. В п.3 ст.2. Российская Федерация гарантирует каждому право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества независимо от его происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания.

Как видим, в этих безусловно важных гарантиях говорится о свободном выборе языка обучения вообще, а не о школьном обучении и, конечно, не о праве, которое “обеспечивается обучением в школах на родном языке” (Конституция, 1936).

В статье 4. Гарантии защиты языков народов Российской Федерации также не содержатся обязательства государства по обеспечению декларируемых гарантий.

1. Языки народов Российской Федерации пользуются защитой государства. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации гарантируют и обеспечивают социальную, экономическую и юридическую защиту всех языков народов Российской Федерации.

2. Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации.

3. Экономическая защита языков предполагает целевое бюджетное и иное финансовое обеспечение государственных и научных программ сохранения и развития языков народов Российской Федерации, проведение в этих целях льготной налоговой политики.

4. Юридическая защита языков предполагает обеспечение ответственности юридических и физических лиц за нарушение законодательства Российской Федерации о языках народов Российской Федерации. (Федеральный Закон “О языках народов Российской Федерации”).

И здесь, как видим, законодатель сконцентрировал внимание на терминологии, не сказав при этом ни слова о том, что “право на образование обеспечивается обучением в школах на родном языке”.

Уповать на то, что Республики имеют право устанавливать свои государственные языки и влиять на языковые процессы на местах, особенно не приходится. К тому же, наличие Закона и его адекватное толкование и исполнение – разные вещи. Согласно ст. 10, п.1 Закона РД “Об образовании в Республике Дагестан”, языками обучения в Республике Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана. На деле в ряде районов Дагестана родные языки не используются не только как языки начального обучения (т. е. как языки, на которых ведется обучение (преподавание), но и как предмет они могут быть изучаемы в школе на основе добровольности.

Ряд статей республиканских Конституций и Законов о языках, относящихся к теме языка делопроизводства и судопроизводства носят сугубо декоративный, “ритуальный” характер, так как и то и другое уже полвека ведется на русском языке.

Анализ законов и постановлений, касающихся вопросов языковой политики, показывает, что в большинстве из них предусмотрены права и приоритеты развития государственных языков. В некоторых конституциях республик Российской Федерации государственными являются два или более языков (Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская республики и т.д.) Согласно Конституции Республики Дагестан, государственными языками являются “русский язык и языки всех народов, населяющих Республику”. Однако, ни в программах стратегии национальной и языковой политики, ни в других законодательных актах не указаны механизмы реализации языковых прав.

В ст. 121 Конституции СССР 1936 года закреплено, что “право граждан СССР на образование обеспечивается всеобщеобязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машино-тракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся” (Конституция, 1936).

Как видим, декларируемое государством право на обучение в школах на родном языке “обеспечивается обучением”. Судя по тому, что взамен этому предлагает современный законодатель, можно сказать, что в некоторых регионах Кавказа, включая Дагестан, политические и правовые ответы на современные конфликты, возникающие в национальной и культурной сферах, не соответствуют происходящим здесь этнокультурным и языковым процессам, их динамике и социально-политической напряженности.

Литература

- Конституция (1936). *Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик* (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ [Дата обращения 10.05.2017].
- Конституция (1977). *Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик*. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1977.htm> [Дата обращения 06.08.2017].
- Магомедханов, М. (2008). *Дагестанцы: этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания*, Москва: ДИНЭМ.
- Орцуев, М. (1933). Культурное строительство Чечни за 15 лет. *Революция и горец*. Политико-экономический ежемесячник. Орган северокавказского краевого комитета РКП (б) и краевого исполнительного комитета. 1933, январь-февраль, № 1-2, с. 27–34.
- Тагиев, Х. (1933). Сельское хозяйство ДАССР за 15 лет. *Революция и горец*. Политико-экономический ежемесячник. Орган северокавказского краевого комитета РКП (б) и краевого исполнительного комитета. 1933, январь-февраль, № 1-2, с. 51–52.
- Тюленев, И (2010). Привет от северного горца, www.sites.google.com/site/sajtigoratuleneva/avtorskie-publikacii/igor-tulenev_avtorskie-stati-intervyu/igor-tulenev-privet-ot-severnogo-gorca [Дата обращения 12.02.2018].
- Федеральный Закон (2005). *Федеральный Закон о Государственном языке Российской Федерации*. Принят Государственной Думой 20 мая 2005 года. Одобрен Советом Федерации 25 мая 2005 года, www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ [Дата обращения 25.03.2017].

Legal issues of the preservation of the cultural heritage in the Caucasus

A scientific understanding of ethno-cultural processes in the Caucasus would make it possible to determine priorities and legal mechanisms for both, based on the Caucasian historical experience and on relevant world humanitarian theories and humane practices.

In the Constitutions of the Caucasian republics and in a number of other legal acts the principles of state regulation of the activities of educational and cultural institutions are defined.

The analysis of laws and decrees related to language policy issues, shows that most of them stipulate the rights and priorities of the development of state languages. In some Constitutions of the Caucasian republics of the Russian Federation, two or more languages are state languages (Karachay-Cherkess, Kabardino-Balkarian Republics, etc.). According to the Constitution of the Republic of Dagestan, the state languages are “Russian and the languages of all peoples inhabiting the Republic”. However, neither in the Programs of the strategy of national and language policy, nor in other legislative acts are any mechanisms specified for the implementation of linguistic rights.

It is known that in the Caucasus, the problems of dialogue of cultures and preservation of cultural heritage have countless ethno-cultural and ethno-linguistic manifestations, facets, refractions. In this regard, it can be argued with certainty that in some regions of the Caucasus, including Dagestan, the political and legal responses to modern conflicts arising in the national and cultural sphere, is far behind and does not match the dynamics and socio-political tension of cultural and linguistic processes.

The report is intended to give specific examples of the above noted lag, and also to offer for discussion concrete measures for bridging the gap between the dynamically growing natural needs of the Caucasus for cultural integration at the regional and international levels and legal support for this need.